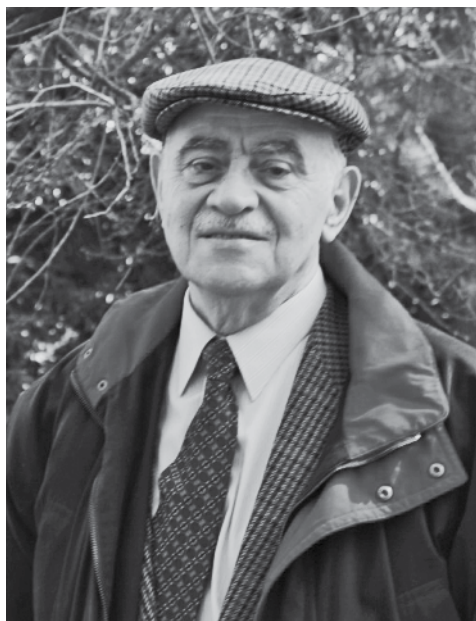

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Воспоминания о Викторе Михайловиче Гацаке (1933–2014)

В 2018 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН состоялась Международная научная конференция «Традиции во времени», посвященная памяти выдающегося фольклориста, заведующего отделом фольклора ИМЛИ РАН (1966–2012), члена-корреспондента РАН В. М. Гацака¹. Ее участники поделились своими воспоминаниями о Викторе Михайловиче, которые мы публикуем на страницах «Традиционной культуры». Конференция 2018 г. по факту стала Первыми фольклорными чтениями его памяти. Вторые чтения должны состояться в 2020 г. в г. Сухум (Абхазия), но 2 июня 2020 г., в день рождения Виктора Михайловича, отдел фольклора ИМЛИ РАН организовал и провел онлайн-семинар «Фольклор в тезисах», в котором приняли участие 19 исследователей, в том числе из-за рубежа — Китая, Эстонии, Беларуси, Киргизии, Абхазии.

В публикуемых рассказах-зарисовках Виктор Михайлович предстает человеком большой души, деятельным и заботливым учителем, тонким наблюдателем, подмечающим различные штрихи повседневности. Собранные воспоминания воссоздают прежде всего образ живого человека, счастливо сочетавшего высокое служение фольклористике и искренний интерес к жизни во всех ее проявлениях.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.015>

¹ Хронику и материалы конференции читайте в электронном журнале «Новые российские гуманитарные исследования». URL: <http://nrgumis.ru/articles/2064/> (дата обращения: 12.06.2020).

В какой системе мер можно оценить человеческую близость? Пожалуй, только сейчас я задумался, насколько дело, которому наш учитель Виктор Михайлович Гацак посвятил жизнь, сказывалось на его образе жизни, поведении, общении с окружающими, в том числе и с нами, его аспирантами. Как за словесной скупостью фольклора скрываются мириады миров и цивилизаций, так и Виктор Михайлович мог единственной сказанной фразой распахнуть перед тобой еще неизведанное направление в науке, вдохновить и вселить веру в себя. Для меня уже в те аспирантские времена было очевидно и естественно, что он видит каждого из нас насквозь. И не только жизненный опыт был тому причиной, а, скорее, довольно редкая способность чувствовать больше и глубже, чем люди, живущие одним настоящим. Ведь у него в подсознании всегда были те самые загадочные и не всем открытые миры.

Трудно представить Виктора Михайловича говорящим общие слова или дежурные фразы. Каждое произнесенное и написанное им слово было наполнено смыслом.

Отлично помню 1984 г. и начало моей аспирантской жизни. Несколько драматичное... В то время в Абхазском государственном университете не было военной кафедры, и меня через полгода после поступления в целевую очную аспирантуру при Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР призвали на службу в советскую армию, в артиллерийские войска. От стремительного перемещения из ИМЛИ в солдатскую казарму я впал в отчаяние. И даже счастливый для многих факт, что служить довелось в местечке Городище Владимирской области, откуда до Москвы было рукой подать, насколько не радовал.

Из состояния глубокой депрессии меня вывело коротенькое письмо:

«Дорогой Зураб! Мы с Валентином собрались в ИМЛИ в канун Нового года, чтобы согласовать поздравление рядовому, прелестно несущему службу солдатскую, но не забывающему о делах аспирантских. Желаем всего доброго, уведомляем, что в наступающем году ждем возвращения на нашу имлийскую вахту. С сердечным приветом, Виктор Гацак, Валентин Когониа. 30.12.85».

Прочитав эти простые слова, написанные моим научным руководителем с юмором и любовью, в одно мгновение из потерянного, несчастного человека я превратился в бравого воина, достойно несущего службу. Это письмо в новогодние дни мне привез в часть друг и земляк Валентин Когониа (он уже завершал учебу в аспирантуре и тоже был учеником В. М. Гацака). Лучшего подарка тогда я и вообразить не мог. Армейские дни побежали стремительно. Ведь теперь я знал: меня помнят и ждут.

Наверное, нет среди учеников Виктора Михайловича ни одного, кого он не согрел бы отеческим теплом, в ком не пробудил бы и не зажег искру Божию, кому не привил бы интерес к погружению в особый притягательный мир фольклористики. При этом он никогда не был сентиментален, не допускал фамильярности. Он просто сеял в каждом из нас надежные семена, которые — он был уверен — рано или поздно дадут хорошие всходы.

Я рано потерял отца, еще на первом курсе университета, но, став аспирантом отдела фольклора ИМЛИ в 1984 г., вновь почувствовал отцовскую теплоту в лице моего научного руководителя в далекой и незнакомой мне тогда Москве.

Методы работы с каждым из нас у него были индивидуальные. В период моего ученичества у Виктора Михайловича он работал над серьезным, фундаментальным трудом, впоследствии ставшим теоретической основой многих разысканий фольклористов в области изучения поэтико-содержательных основ передаваемости эпической традиции [Гацак 1989]. При подготовке монографии к изданию Виктор Михайлович попросил помочь ему. Издательство «Наука» располагалось у станции метро «Профсоюзная», а я жил неподалеку, в доме аспирантов на улице Островитянова, 35а. Он доверил мне роль курьера между ним и редактором издательства Г.П. Максимовской. Передавая мне главы, параграфы, части, таблицы работы в полуоткрытых конвертах и папках, а то и вовсе без них, с исправлениями, пометками, ремарками, Виктор Михайлович словно провоцировал мою любознательность, приглашая заглянуть в свою творческую лабораторию. По пути от станции «Баррикадная» до «Профсоюзной» я аккуратно раскрывал папки прямо в вагоне метро и погружался в текст. Бывало, что

у редактора оказывался неприсутственный день, и тогда я мог спокойно прочитать переданную мне рукопись дома. С не меньшим интересом ознакомился я с частями книги, прочитанными редактором. Признаться, мне очень нравилось ощущать себя своего рода медиумом между нею и автором книги. Мало того что при таком экстремальном режиме чтения я научился быстро воспринимать содержание прочитанного исследования, я стал постигать некий код его рождения и секреты научного редактирования. Самым ценным в этом процессе, как мне казалось, была моя незримая причастность к созданию книги научного руководителя. Это было, я бы сказал, особым чтением, особым способом приобретения фольклористических знаний.

Теперь-то я доподлинно знаю, что Виктор Михайлович намеренно приоткрывал мне завесу тайны своего творчества. Эта рукопись моего учителя стала для меня ключом к подлинной природе научной работы и помогла мне ближе узнать самого Виктора Михайловича, раскрыла его личность с неожиданных для меня сторон.

К того же рода урокам я отношу и знакомство с автором работы «Художественные сравнения русского песенного эпоса. Систематический указатель» Федором Мартыновичем Селивановым [Селиванов 1990]. Виктор Михайлович был редактором этой книги и предупредил коллегу, что работу привезет ему аспирант. Привезет и, поскольку аспирант пылливый, задаст несколько вопросов. Я понял задумку Виктора Михайловича, внимательно посмотрел рукопись и, встретившись с Ф. М. Селивановым, принимавшим меня в своей квартире, задал ему заранее подготовленные вопросы по русскому эпосу. Я и сегодня помню тот разговор в мельчайших подробностях. Такое он произвел на меня впечатление.

Виктор Михайлович знал, что только настоящий научный талант способен пробудить жажду исследователя у молодых коллег, и время от времени устраивал нам такие встречи-экспромты.

Во время отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг., когда погибла вся моя библиотека, я как фольклорист был на распутье: как вернуться к научной работе, с чего начать? Будучи в этом состоянии и не имея никакой материальной возможности приехать в родной ИМЛИ,

я через своих друзей, которые время от времени приезжали в Москву, обращался к нашему учителю с целыми списками необходимых мне книг. И каждый раз он отбирал определенное количество книг, писал письма, после чтения которых восстановились мысли, появились ориентиры, я постепенно стал чувствовать мир фольклористики и начал возвращаться к исследовательской работе.

Вот о чем писал Виктор Михайлович в другом своем письме, переданном мне через моего друга, фольклориста, ныне министра образования и науки Республики Абхазия Адгура Какобы:

«Дорогой Зураб! Я и все хорошо вас помнящие в отделе всегда рады весточкам от вас. Желаем всего самого доброго.

Выполняя социальный заказ — вычитать Вашу работу о Сасыркуа и Абыскилле, я принялся вчитываться, но было мало времени, так как пришлось с 27 по 2 пробыть в командировке в Кишиневе. Договорились со Славиком, что я, дочитавши, передам через него Вам.

Начинает намываться — как эпическая традиция, то есть медленно, — подборка книг по заявленному списку. Посылаю, что успел. Продолжение следует. Рад, что Адгур добыл посмертную книгу Б. Н. Путилова об эпосе. (У него еще была книга «Эпическое сказительство», возможно, еще найдется, но он писал ее уже на исходе сил, а он хотел ее сделать более емкой.) Ожидается книга «In memoriam», т.е. после Б. Н. Путилова, там будет в том числе воспроизведена и его хорошо прописанная книга «Фольклор и народная культура».

Скафтымов, действительно, вышел (в Саратове) вторым изданием, но сейчас практически не достать.

Посылаю кое-что из последних статей своих — обратите внимание на этнопоэтические константы — за ними, кажется, большое будущее.

Обнимаю — Виктор Гацак. 3.04.01».

Я и сегодня, хотя Виктора Михайловича уже нет, чувствую незримое влияние его харизмы на мою работу и жизнь в целом. Именно у него я научился видеть в человеке прежде всего человека, как видел он каждого из нас. Наш учитель не делил людей на обычных и значительных. И если судьба дарила ему встречу с человеком, если он впускал его в свою жизнь, то не

было уже неважных деталей в его отношениях с этим человеком. Ему уже было дело до всего в жизни каждого из его учеников. Мы ведь становились неотъемлемой частью его жизни, а значит, и тех самых неизведанных миров, которые мы угадываем за скупыми строками драгоценных крупиц мирового фольклора.

Вот такой штрих к мере человеческой близости...

Зураб Джотович Джанауа,
*доктор филологических наук, профессор,
президент Академии наук Абхазии
(Абхазия)*

С течением жизни начинаешь понимать, что все, что происходит, происходит в рамках некоего универсального закона, закона взаимосвязанности, взаимодополняемости. Для Вселенной не существует мелочей — всему свое место и время. Это такая система координат, за пределы которой нам не дано заглянуть, и каждый выполняет как бы свою миссию — большую или иную, но обязательно *свою*. Однако нам даются всяческие возможности для этого, и счастлив тот, кто не прошел мимо своих указателей, своих маяков. Другое дело — я цитирую небезызвестный величайший источник — «Поистине человек создан нетерпеливым», что, по моему разумению, означает в том числе, что именно эта черта может помешать качеству выполняемого. При этом каждому поколению предстоит решать свои задачи, диктуемые, как мы полагаем, временем, а по сути — нами, и в особенности знаковыми фигурами, каковыми являются, в частности, наши учителя.

К примеру, у моего поколения, в этом отношении счастливого, такие маяки были. Они «случились» и у меня — в школе, вузе, аспирантуре, докторантуре, на работе. Вселенная была ко мне весьма благосклонна, за что я безмерно благодарна. Другое дело, что много чего еще хотелось бы сделать, но в поле воин не один, и получилось так, как получилось. Важно не упускать получаемые знаки. У меня были такие учителя, понимание значимости фигур которых приходит непременно, приходит со временем, приходит потому, что, ко всему прочему, они были еще и чисты в своих помыслах, благородны по сущности своей, и это очень-очень важно. По мне, нет таких качеств — нет и значимости личности.

Незабываемый день. Мое первое знакомство с коллективом ученых сектора народного творчества ИМЛИ. На заседании сектора обсуждается тема моего будущего исследования. Виктор Михайлович предлагает заняться изучением устных основ волшебной сказки. Я слушаю, мало понимающая и (как и присуще бесстрашному пионеру!) ничего не боюсь. Мгновенно отзывается Уздият Башировна Далгат, на тот момент для меня просто красивая, представительной внешности дама (это впоследствии я узнала, что она большой ученый), чьи слова врезались в мою память: «Но, Виктор Михайлович, это немыслимо, нельзя же топить девочку, тема чрезвычайно сложная, да и невыполнимая для новичка. Ведь у вашей аспирантки нет ни опыта, ни образца. Подобных исследований еще не существует!» На что Виктор Михайлович спокойно ответил: «Мы об этом поговорим, когда работа будет на столе». Лишь много позже я поняла, что мне предстояло выполнить.

Не помню, чтобы Виктор Михайлович был откровенно настойчив в своих наставлениях, многословен, на полях моих записей красовались лишь сплошные знаки препинания, преимущественно восклицательные и вопросительные, сопровождаемые короткими напутствиями, вроде «это интересно!», «проверить!», «сравнить!», «разве?», на многие мои вопросы к нему я получала ответы вроде «подумайте, ищите подтверждение в текстах». Он направлял меня по намеченному пути исподволь, и каждое его слово звучало вежливо, многие из его бесчисленных предположений раскрывались мне по ходу моих исканий. К моему великому сожалению, спустя время по трагическому стечению обстоятельств не сохранилось ни переписки с Виктором Михайловичем, ни моих черновики с его уникальными пометками, в которых я в последнее время находила дополнительный стимул для творческого поиска. Но мне не забыть, как он искренне радовался каждому успеху, и не только моему, но и других его учеников и коллег.

Незабвенный Виктор Михайлович! Я, повторюсь, безмерно благодарна Судьбе за то, что имела счастье быть Вашей ученицей! Ею и остаюсь. Однако я до сих пор осторожно говорю о том, что Вы — мой Учитель, поскольку понимаю, какая

это ответственность называться Вашей ученицей. Это понимание — мерило тому, что я делаю, следуя Вашим бесценным советам.

Стрепетом и уважением к Вашей памяти,
Джюльетта Янковна Адлейба,
доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе
Абхазского государственного
университета

Говорить о Викторе Михайловиче и вспоминать о нем приятно. Помимо выдающихся качеств ученого, исследователя, был он человечным Человеком. Никогда никого не стремился обидеть или задеть резким словом, замечанием. Он умел слушать, был очень тактичным, по-настоящему интеллигентным. Его мудрость проявлялась в том, что в каждом он находил какие-то положительные качества, за которые он ценил человека. Высоко ценил в людях профессионализм, эрудицию. Мне очень нравилось наблюдать за его общением с людьми. У нас в авторских коллективах серии встречаются порой несовместимые по характеру и темпераменту личности. Есть очень ранимые, обидчивые, до крайности вспыльчивые. Как был востребован талант Виктора Михайловича дипломатично улаживать возникающие конфликты, направлять работу в правильное русло! Мы могли подолгу при личной встрече или по телефону обсуждать все проблемы, возникающие по ходу подготовки очередных томов. Как не хватает сейчас Виктора Михайловича!

Если о каблучке, то это не единственный случай, который меня удивил до потрясения. В очередной приезд на совещание главной редколлегии, которое проходило в рамках конференции, мы поселили всех участников в санатории под Академгородком. Сама я ездила из дома, как правило, рано утром, чтобы уладить до заседаний организационные вопросы. Вот бегу к зданию, и тут подламывается каблук. Ковыляя, захожу сначала к Виктору Михайловичу, чтобы отдать необходимые документы. Не успела переобуться, хотя с собой были туфли. Он удивился моей странной походке. Я скороговоркой объяснила, в чем дело, даже не задумавшись, что это может вызвать интерес у Виктора Михайловича. Он очень серьезно осмотрел мой предательский каблук и попросил оставить ботинок

у него. Тут у меня случился шок! Никогда до этого я не встречала ни одного гуманитария, способного забить какой-либо гвоздь, а тут каблук, да без необходимых инструментов! Но спорить не было времени, я оставила свой каблучок с ботинком у Виктора Михайловича и умчалась по делам конференции.

Уже днем, пообедав, когда возникла пауза между заседаниями, Виктор Михайлович подошел ко мне и сказал, что каблук теперь на месте! Я была заинтригована. Попросила его показать мне. Действительно, каблук был прибит, как будто и не отламывался! С каким удовольствием и с какой гордостью смотрел он на свою работу, и как было ему приятно мое изумление — это надо было видеть! Он тогда сказал мне, что дома он все делает своими руками и что в его семье все технари, у всех умелые руки! После мне было забавно слышать, как он реагировал на мой приход. Окно его номера выходило как раз на тротуар ко входу в корпус, и он каждый раз слышал стук моих каблучков — значит, каблучки на месте!

Во все его приезды я обращала внимание, что с собой он возил какие-то маленькие инструменты, всегда с собой был у него пинцет, булавки. В комнате на стенах крепились разные напоминки, тезисы, отдельные мысли, которые были записаны на бумаге разного формата! Он обустроил себе рабочий кабинет. Для каждого города, куда он приезжал, была маленькая записная книжечка, сделанная своими руками. Он показывал мне, что туда записаны телефоны, адреса, библиографические ссылки, которые он обещал кому-то дать, и обязательно привозил мне ксерокопии его статей или сами книги.

Евгения Николаевна Кузьмина,
доктор филологических наук,
заведующая сектором фольклора
народов Сибири
Института филологии СО РАН

В нынешнюю эпоху айфонов уходит в прошлое ценность стационарного телефонного звонка. Виктор Михайлович был «телефонным» человеком — позвонить ему вечером, тем более по международной связи, было практически невозможно, телефон был постоянно занят. Он это знал и сам звонил так часто, как мог. Когда же приходила моя «очередь» позвонить из Киева в Москву, то он всегда

волновался, чтобы я «не вылетела в трубу», поскольку тем для обсуждения было предостаточно и время разговора пролетало незаметно. Атмосфера этих телефонных разговоров за почти четверть века, — видимо, один из основных эпизодов памяти, которая сохраняет интонации речи и звучание голоса. Память как-то хитро устроена — пытаюсь найти какой-то кадр, а воспоминания выстраиваются в зримую и осязаемую линию присутствия. Может быть, временная дистанция слишком невелика, чтобы возникла возможность (и потребность) ее нарративного выражения. Присутствие же ощутимо во всем, что окружает, конечно, в первую очередь книги, которые были обязательным и постоянным подарком, без которого (как и традиционного и так любимого самим Виктором Михайловичем шоколадно-вафельного торта) его появление в Киеве нельзя было представить. Авторские издания всегда сопровождалась такими характерными «гацаковскими» посвящениями, как, например: *«Дорогой Оксане Олеговне — кратенький чуток из заветного, если дано ему быть. Охрид. 7.VII.97, да помогут три семерки»* («Текстологическое постижение многомерности фольклора»). Написанные рукой Виктора Михайловича записки, наброски, замечания (в том числе и по нашему совместному с Э. Рахимовой и Л. Бриццовой проекту) становятся уже автографом. Фотографии, пусть и не такие частые, как хотелось бы, снятые в Охриде, Петрозаводске, Киеве, Любляне, хранят память о встречах — от славянского юга до севера, всегда таких радостных, многогранно творческих, дававших толчок к новым исследованиям.

Мне кажется, что **внимание** к другому (кем бы он ни был) было той характерной чертой, которая так отличала, выделяла Виктора Михайловича, притягивала к нему людей. Это проявлялось не только в «основательности» и требовательности к коллегам (помню, как Виктор Михайлович вынес «приговор» одной моей ранней статье, которой я очень гордилась, назвав ее «публицистической»), но и в мельчайших деталях, жестах поддержки и заботы. Как члена нашего спецсовета его слова с трепетом ждали «подзащитные», а Виктор Михайлович, начиная свою речь неизменным «Милостивые государи и государыни», суров никогда не был и всегда умел найти слова, чтобы

поддержать даже слабые работы. Когда же становилось скучно, он «отвлекался» совершенно уникальным способом — из карамельных крошечных фантиков филигранно делал бумажные кораблики (у меня хранится настоящая их флотилия).

Не раз мне приходилось слышать от Виктора Михайловича, что москвичом он так и не стал, душой оставшись в родных Липканах, вернее, они остались в его душе — искренней, доброй, щедрой и мудрой. Этой добротой и мудростью он делится с нами и сейчас — негромко, сердечно, подчас лукаво и всегда честно.

Оксана Олеговна Микитенко,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела украинской и зарубежной
фольклористики
Института искусствоведения,
фольклористики и этнологии
им. М. Ф. Рильского НАН Украины

Впервые я увидела Виктора Михайловича Гацака в Киеве в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН УССР в 1975 г., где я начала работать в отделе славянской фольклористики, который тогда возглавляла Виктория Арсеньевна Юзвенко. Виктор Михайлович выступал как официальный оппонент по кандидатской диссертации Надежды Васильевны Попович «Молдавское народное творчество и вопросы фольклористики в русской печати XIX века», жены известного ученого и писателя из Кишинева академика Константина Федоровича Поповича. Насколько помню, на всех присутствовавших на защите, а затем и на банкете в ресторане гостиницы «Днепр» произвела впечатление его подчеркнутая элегантность, в частности, белый костюм. В то время в научных кругах традиционными считались деловые костюмы, как правило, темного цвета, поэтому вид Виктора Михайловича не вписывался в традиционные советские представления. Во время нашего знакомства Виктор Михайлович обратил внимание на мой интерес к французскому фольклору и сказал, что с моим знанием французского языка стоит проявить интерес к Румынии, где большинство ученых им владеет. Следует отметить, что в будущем я учла его советы и трижды выступала с докладами на научных конференциях в Бухаресте,

благодаря которым расширила свои профессиональные познания и контакты.

О каждой моей поездке Виктор Михайлович всегда расспрашивал, интересовался, что нового у румынских фольклористов, с кем мне удалось познакомиться. Это действительно были незабываемые впечатления, особенно участие в двух конгрессах «Современное европейское село», организованных в Музее села в г. Бухаресте в 1991 и 1993 гг. Среди его участников был известный румынский фольклорист Михал Поп, французские антропологи Жан Жак Кюизень, Пауль Сталь, заместитель директора Института фольклора из Тираны Афердита Онузи, директора многих европейских музеев. Это были годы сразу после падения режима Н. Чаушеску. Еще свежи были воспоминания о тех трагических событиях, поражали пустота в магазинах и огромные очереди за хлебом. Румыния в 2000 г., когда я была участником Международной конференции по балладе, была уже другой страной.

Директор Института фольклора в Бухаресте академик Сабина Испас, которую также хорошо знал Виктор Михайлович, познакомила меня с уникальным архивом, систематизация фондов которого поражала. Побывав в Румынии, я стала лучше понимать труды Виктора Михайловича и его самого как человека, выходящего с украинско-молдавского пограничья. Однажды всем составом нашей фольклористической экспедиции, которой руководила Виктория Арсеньевна Юзвенко, мы поехали из Одесской области, где записывали болгарский фольклор, на несколько дней в Кишинев, где нас очень тепло приняла семья Поповичей. Во время пребывания в их доме имя Виктора Михайловича часто вспоминали, сожалели, что его нет рядом. Когда несколько лет назад в Одессе, где я почти всегда выступаю на ежегодных этнографических чтениях, коллеги из Кишинева привезли в Одесский университет многотомное собрание сочинений Константина Федоровича Поповича, я опять начала вспоминать незабываемого Виктора Михайловича, тесно связанного с академиком узами дружбы и сотрудничества. Символический факт — на одной из этих конференций прозвучал доклад О.О. Микитенко, посвященный В.М. Гацаку. Следует отметить, что К.Ф. Поповича, украинца из

Кишинева, высоко ценили и до сих пор помнят в Киеве. О нем есть статья в издании Энциклопедія сучасної України. Такое же отношение и к трудам Виктора Михайловича Гацака: статья о нем опубликована в 2018 г. в томе «Українська фольклористична енциклопедія» во Львове.

Благодаря Виктору Михайловичу появилась моя французская публикация о Ван Геннепе и исследованиях Николь Бельмонт в сборнике, вышедшем под его редакцией в Москве. Эту публикацию заметила сама Николь Бельмонт, что для меня было знаменательным событием. Бывая в Париже или других городах Франции, я всегда тепло вспоминала Виктора Михайловича. Благодаря программе «Сковорода» посольства Франции на Украине мне удалось перевести и издать две книги Ж.Ж. Кюизень «Этнология Европы» и «Этнология Франции». К сожалению, я не успела передать их В.М. Гацаку. Удалось также осуществить совместный проект по изданию французского спецвыпуска журнала «Народна творчість та етнографія». Работая над этим сложным проектом, всегда вспоминала слова Виктора Михайловича о том, что я не должна оставлять свои французские исследования. Он говорил: «Польша для вас ближе, и вас знают как полонистку, однако не забывайте о Румынии и Франции».

Виктор Михайлович очень часто бывал в Киеве и Черновцах, где мы встречались на различных научных конференциях. Важным для фольклористов-славистов нашего института было его участие в работе специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Фольклористика». Каждый его приезд был событием и одновременно праздником. Он всегда приводил новые книги своих сотрудников, всегда рассказывал о новых проектах, в частности с Китаем и Финляндией, рассказывал о своих поездках. Все сотрудники старались обязательно с ним побеседовать, узнать новости, рассказать о своих планах. Было даже некоторое соперничество, особенно между дамами, за внимание Виктора Михайловича. Однако, несмотря на короткое время для общения, Виктор Михайлович всегда умел найти для каждого из коллег время и внимание. Особо радовался Виктор Михайлович общению с Михаилом Михайловичем Гайдаем, шутки которого помнят в институте до сих пор,

особенно о фольклористах, которых скоро занесут в красную книгу.

Были и комические эпизоды в нашем общении. Однажды меня пригласили выступить на радио FM в передаче, которая была посвящена межкультурному диалогу. Нам, сидящим в украинской студии в Киеве, представитель со стороны московского радио пытался ставить довольно острые вопросы. Например, о том, что на Украине, наверное, не отмечают День славянской письменности и культуры. У меня с собой был только что изданный выпуск еженедельника «Слов'янський світ», который был приурочен ко Дню славянской письменности и культуры 24 мая и где была опубликована статья о Викторе Михайловиче. Воспользовавшись случаем, я представила это издание и передала в эфире приветствие Виктору Михайловичу Гацаку. После этого ситуация изменилась и диалог проходил более дружелюбно.

Мне кажется, что такие люди, каким был Виктор Михайлович, смогли бы достичь согласия во всех вопросах. Это был человек мира, открытый, доброжелательный, всегда внимательный. Однажды во время моего пребывания в Москве мы вышли вместе из ИМЛИ, и он решил показать мне арбатские переулки. Мы долго бродили в тот забываемый морозный вечер, Виктор Михайлович рассказывал о каждом доме свою историю. В его душе всегда была настоящая творческая искра. Человек глубоко эрудированный, он прекрасно знал литературные произведения и классиков, и современников. Он всегда помнил, что я писала и публиковала стихи, и очень был рад моей публикации в журнале «Юность», подчеркивая иронически, что поэзию нельзя бросить или оставить, она всегда с нами.

Последний раз я видела В.М. Гацака на конференции в МГУ, посвященной столетию Николая Ивановича Кравцова. Каждая встреча остается в нашей памяти. Главное, что идеи Виктора Михайловича продолжают в его учениках, которые достойно представляют фольклористическую науку в разных странах. Имя Виктора Михайловича остается своеобразным идентификатором всех, кто на него ссылается и вспоминает. Его рекомендации и замыслы мы продолжаем выполнять. В частности, совместно с Танзелей Мусавевой Хаджиевой был подготовлен сборник записей Михаила Петровича Гайдая,

сделанных в Кабардино-Балкарии во время экспедиции 1924 г. Внучка Михаила Петровича и дочь Михаила Михайловича Гайдая вспоминает, что когда-то к ним домой приехали коллеги из Нальчика, которые очень заинтересовались упомянутыми материалами, а главное — хотели познакомиться с сыном и семьей украинского ученого, который внес свой вклад в сохранение нематериального культурного наследия многострадального балкарского народа. Наталья Михайловна вспоминает, что они приехали тогда от Виктора Михайловича Гацака и по его рекомендации.

Украина для Виктора Михайловича всегда была родной и близкой, он оставался верным своим коллегам, где бы они ни проживали, всегда находил для них добрые слова поддержки. Подводя итоги и вспоминая беседы с забываемым Виктором Михайловичем, понимаешь, что нельзя никогда терять надежду, а главное — веру в себя и своих коллег. Через годы начинаешь все больше ощущать ту философию жизни, которую приносил всем нам учитель, который всегда поражал своей скромностью и обязательностью.

*Лариса Константиновна Вахнина,
кандидат филологических наук,
заведующая отделом украинской
и зарубежной фольклористики
Института искусствоведения,
фольклористики и этнологии
им. М. Ф. Рильского НАН Украины*

Сейчас уж и не вспомнить, когда точно мне довелось увидеть и услышать впервые Виктора Михайловича Гацака. Помню только, что это случилось во второй половине 1990-х гг. в Кишиневе: я тогда по окончании аспирантуры при Институте этнографии и фольклора Академии наук Республики Молдова работал в отделе гагаузоведения и готовил диссертацию, посвященную народной волшебной сказке, и конечно же не пропускал любую возможность понаблюдать за процессом защиты диссертаций. На одной такой защите и познакомился с Виктором Михайловичем. Он выступал в качестве научного руководителя кандидатской диссертации Луминицы Харламповны Друмя. Тема ее исследования была связана с изучением румынско-русско-украинских фольклорных взаимосвязей и взаимовлияний в аспекте народного перевода. В том, что защита прошла

успешно и произвела яркое впечатление, главную роль сыграли как сам соискатель, так и все главные действующие лица, в том числе и Виктор Михайлович. Именно им было высказано пожелание не только диссертанту, но и всем молдавским фольклористам не останавливаться на достигнутом, расширять ареал изучения. Именно тогда для меня впервые прозвучали теперь хорошо знакомые, сразу вызывающие ассоциации с Виктором Михайловичем термины: этнопоэтические константы, разностадиальность, пучок понятий, мультимедийность, многосубстанциональная текстология и т.п.

Более всего мне почему-то запомнилось его активное выступление о воспитании человека этнического: человек либо этничен, либо он становится тем, кого мы наблюдаем сейчас, когда он все утратил, поэтому так важно уважительно относиться к духовному наследию предков, в этом и видится залог нашего самосохранения в истории цивилизаций.

Спустя несколько лет, в конце марта 2001 г., судьба вновь свела нас, но на сей раз Виктор Михайлович прибыл в Кишинев по двум мотивам: первый — он официально стал почетным академиком Академии наук Республики Молдова, второй — он дал согласие выступить в качестве официального оппонента на защите моей диссертации. Последнее явилось для меня особенно важным, потому как при решении задач исследования я опирался и на некоторые положения и выводы его работ. Виктор Михайлович внимательно прочитал и положительно оценил мою работу, сделал ряд ценных и полезных замечаний и пожеланий: а) необходимо типологизировать все фольклорные тексты, при этом полезным было бы для углубления самой типологизации обращение к понятию «элементарный сюжет», введенному в сказковедение Бр.П. Кербелите, а также к ее же понятию «сложный сюжет», ибо наличие немотивированных включений и другие приметы облегчают, в частности, установление интерференций и переходов от одного этноса к другому; б) изучая традиционные стилистические формулы, надо выписывать их в полном реестре; в) необходимо более широко освещать контаминации, поскольку они особенно важны для понимания специфики традиции. По сути дела, Виктор Михайлович поддержал

выбранный мной путь в науку, укрепил меня в намерении и далее заниматься народной прозой. Кроме того, меня приятно удивил жест со стороны профессора: он привез мне в дар из Москвы свежую книгу по теме диссертации — монографию своей аспирантки Гульнар Равиловны Хусаиновой «Поэтика башкирских народных волшебных сказок» (2000), в которой автор проводит сравнительный анализ традиционных стилистических формул красоты, встречаемых у различных тюркских народов, в том числе у бессарабских гагаузов (из записей русского этнографа В. А.). Впоследствии, когда надо было определиться с темой для участия в сборнике «Этнопоэтика и традиция», посвященном 70-летию Виктора Михайловича (2004), я и выбрал такую же под названием «Традиционные стилистические формулы в гагаузской волшебной сказке» (2004).

Виктору Михайловичу было свойственно проявлять внимание к коллегам, интересоваться не только их профессиональным ростом, но и чисто житейско-бытовыми вопросами, т.е. ему была интересна жизнь во всех ее проявлениях. Так случилось, что незадолго до нашей встречи я неожиданно для себя обнаружил фамилию Гацак с инициалами В. В. в телефонном справочнике Кишинева, и, как потом выяснилось, это был Виктор Васильевич, его двоюродный брат. Виктор Михайлович был очень рад этому сообщению, так как он давно с ним не общался.

Наша последняя встреча состоялась уже в Москве, в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, в один из дней конца марта 2004 г. в связи с началом моей работы над докторской диссертацией по гагаузской народной прозе. Мы встретились с Виктором Михайловичем на подходе к институту, он провел меня в зал заседаний на второй этаж, где мы обменялись подарками в виде книжных новинок (я привез литературу от молдавских фольклористов, а Виктор Михайлович вручил мне «алаверды» — пакет с работами его самого и коллег плюс плитку шоколада). Вспоминали общих знакомых из числа фольклористов по молдавской академии (Н. М. Бэшу, Г. Г. Ботезату, В. А. Чиримпей, Л. С. Чимпоеш), по Чувашии, где я недавно побывал (А. К. Салмин, М. Г. Кондратьев, В. Г. Родионов), еще помню, что Виктор Михайлович говорил об ушедшем из жизни несколько лет тому назад видном

фольклористе Халыке Гусейновиче Коро-
глы, о том, что ему его очень не хватает.

Обсуждение плана-проспекта моей дис-
сертации прошло довольно живо и инте-
ресно, я получил массу ценных указаний
относительно дальнейшей работы над те-
мой и возможных ее поворотов, например,
Виктор Михайлович предлагал рассмот-
реть такую тему — «Гагаузские сказки и не-
сказочная проза», либо какую-то часть это-
го комплекса, но с акцентом на компаратив-
ный и экспериментально-аналитический
подход, особое внимание при этом сове-
товал обратить на былички. Надо сказать,
что компаративный аспект, по В.М. Гаца-
ку, представляется главным императивом
в изучении стиля, в частности, и этнопоэ-
тические констант всех уровней вообще.

Мне остается лишь благодарить судьбу
за то, что она осыпала меня в самом
начале научной карьеры знакомством и со-
трудничеством с таким профессионалом-
фольклористом, каким был Виктор Ми-
хайлович Гацак. Светлая ему память!

Виталий Иванович Сырф,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института культурного наследия
при Министерстве образования,
культуры и исследований
(Республика Молдова)

Виктор Михайлович приехал в Япо-
нию в марте 2006 г., чтобы выступить
с докладом на Международном форуме
«Фольклор в мире глобализации» — пер-
вом международном научном мероприя-
тии, устроенном Японским обществом
по исследованию устного творчества (The
Society for Folk-Narrative Research of Japan)
при поддержке государственного Универ-
ситета Чиба (Chiba University). В то время
Обществом руководила Синко Огихара,
культурный антрополог и профессор
Университета Чиба. И руководительница,
и комитет Общества решили пригласить
известного среди японских фольклористов
Виктора Михайловича. С. Огихара и ее
коллеги на кафедре языка и культуры Евразии
Университета Чиба знали В.М. Гацака
как заместителя главного редактора серии
«Памятники фольклора народов Сибири
и Дальнего Востока» и члена редколлегии
журнала «Живая старина», и, конечно, его
работы были известны исследователям
русского и славянского фольклора, кото-

рые часто лично общались с ученым: Ичи-
ро Ито (профессор Университета Васэда),
Кимико Сайто (исследовательница русско-
го фольклора и фольклора сибирских наро-
дов) и я. И. Ито познакомился с Виктором
Михайловичем в 1988 г. на X съезде славис-
тов в г. Софии. Там Виктор Михайлович,
прослушав доклад И. Ито, посвященный
связи образа «Вия» Н.В. Гоголя со сла-
вянскими верованиями о глазе, подошел
к докладчику и предложил ему написать
статью для «Известий АН СССР». Потом
они часто встречались на других съездах
славистов и конференциях, обмениваясь
информацией и научными наблюдениями.

К. Сайто тоже давно была знакома
с Виктором Михайловичем. Она была при-
глашена им в 1996 г. в фольклорную экспе-
дицию, проходившую в Никольском рай-
оне Пензенской области. Группа фольк-
лористов с 22 по 30 июля обследовала
мордовские, татарские и русские деревни.
К. Сайто опубликовала очерк об экспеди-
ции для журнала Общества по изучению
русского фольклора «Народ», в котором
подробно описала, как проводили поле-
вую работу российские фольклористы.
Читателям был особенно интересен ме-
тод многоканальной записи песен, ко-
торый Виктор Михайлович перенял из
экспедиционной практики российских
коллег-этномузыкологов.

Я познакомилась с Виктором Михай-
ловичем в 1993 г., когда проходила ста-
жировку в Институте русского языка им.
А.С. Пушкина. Заинтересовавшись были-
нами, я самостоятельно ходила в МГУ на
кафедру русского устного народного твор-
чества, с разрешения которой слушала там
лекции по фольклору. Тогда моя подруга,
аспирантка ИМЛИ Шаура Шакурова, ре-
шила привести меня в Институт мировой
литературы, чтобы познакомить с Викто-
ром Михайловичем. В тот день в отделе
было много аспирантов, Виктор Михай-
лович принимал каждого по очереди и на-
конец спросил меня: «Кто вы?» Я, японская
стажерка, едва смогла представиться и ско-
ванно начала рассказывать о своем интере-
се к эпосу. Виктор Михайлович прослушал
меня до конца и сразу перечислил литера-
туру, которую студентка должна прочи-
тать, а потом спросил, как в Японии живут
его знакомые и друзья. Потом я несколько
раз ходила к нему на консультации, про-
должала изучать тексты былин и написала

дипломную работу и статьи о сказительстве Рябининых. Виктор Михайлович много лет помогал японцам в исследовании русского и славянского фольклора, и мы с нетерпением ожидали его приезда в Японию.

Международный форум «Фольклор в мире глобализации» состоялся 3 марта 2006 г. в Университете Чива (в г. Чива, в 40 км от центра г. Токио, которые можно проехать за 45 минут на поезде). Несмотря на расстояние, которое было необходимо преодолеть, и рабочий день (форум был в пятницу), зал был полон слушателей. Форум начался в 10 часов утра, было заслушано 5 докладов: Виктор Михайлович Гацак (Россия, ИМЛИ) «Фольклорное наследие, его продолжение и послефольклорные формы творчества (комплексное функционирование и значение в условиях глобализма)»; Дава Тая (Китай, Университет Внутренней Монголии) «Монгольский героический эпос “Джангар” в Китае и его исследования»; Хироки Сакай (Япония, Университет Вако) «Эпическое сказительство в XXI веке. Примеры у народа Каракалпакии»; Ацуси Масимо (Япония, Университет Рицумэйкан) «Сегодняшнее состояние фольклора на островах Окинава и Амами»; Дзирота Китахара (Япония, Айнский этнографический музей) «О приеме и исполнении айнского фольклора сегодня». Хотя форум был назван международным, все докладчики и слушатели, кроме Виктора Михайловича, говорили по-японски, поэтому я была его переводчицей. В начале доклада Виктор Михайлович назвал несколько работ, посвященных вопросу о воздействии глобализма на судьбы фольклорных традиций народов мира, одной из которых была книга Дженнифер К. Пост «Этномузыкология» (2005). В.М. Гацак дифференцировал три категории фольклорных текстов, к первой из которых относится произведение традиционного фольклора, ко второй — современные варианты произведений традиционного фольклора и к третьей — «послефольклорные» тексты. Исследователь подчеркнул важность публикации фольклорного наследия,

т.е. текстов первой категории. Как примеры современных публикаций он представил проекты «Свод русских былин» в 25 томах и «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в 62 томах. В докладе также было продемонстрировано, как обрела качество мультимедийности книга А. Лорда «Сказитель» (1994), которая снабжена диском с киносъемкой пения южнославянских исполнителей. Виктор Михайлович также ознакомил слушателей с работой В.В. Коргузалова, который восстановил инструментальные проигрыши и пение Кирши Данилова, исследовав ноты и тексты «Древних русских стихотворений, собранных Киршею Даниловым» и исполнение южнославянских сказителей.

Большой интерес слушателей-фольклористов вызвала предложенная В.М. Гацаком дифференциация фольклорных текстов и тезис о важности издания фольклорных произведений традиционных жанров. Слова Виктора Михайловича, что публикация фольклорного наследия должна быть достойной «посылкой в будущее», особенно тронули японских фольклористов. Эпосоведы интересовались изданием эпических текстов с приложением видеозаписи и процессом реконструкции исполнения, зафиксированного в сборнике Кирши Данилова. Я тоже сильно увлеклась работой В.В. Коргузалова¹ и позже сообщила об этом в журнале «Народ».

Во время форума Виктор Михайлович делился информацией и обменивался мнениями с другими докладчиками и участниками. Мне показалось, что из всех народов Дальнего Востока Виктор Михайлович особенно интересовался народом айну, про который он еще и раньше попросил написать статью лингвиста Хироси Накагава из Университета Чива².

После форума Виктор Михайлович немного отдохнул на курорте Идзу и 8 марта встретился в Токио с профессорами и исследователями русского фольклора. Там были его старые друзья И. Ито и К. Сайто. Виктор Михайлович также познакомился с профессорами Гэнносукэ Канэмото

¹ Новый опыт реконструкции напевов сборника Кирши Данилова // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1994. Т. 53. № 4. С. 41–52.

² Мировоззрение айнов и их устное творчество: (Именование и толкование жанров и текстов) // Фольклор. Комплексная текстология. М., 1998. С. 222–230. В этом же коллективном труде опубликована небольшая заметка японской исследовательницы Кимико Сайто, содержанием которой Виктор Михайлович очень дорожил (С. 231).

(Университет Васэда), Есикадзу Накамура (Университет Хитоцубаси, иностранный член РАН) и молодыми исследователями-фольклористами. Мы сидели в одном из старейших ресторанов Накамурая, беседовали на самые разные темы. Виктор Михайлович нам рассказывал множество анекдотов, интересных эпизодов из своих экспедиций — очень жалею, что не записывала.

Как все знают, Виктор Михайлович был активным сторонником мультимедийной архивации и публикации фольклорных материалов. В Токио мы спросили Виктора Михайловича, что он хочет купить домой, а он ответил, что ему очень нужна одна вещь — аппаратура для оцифровки аудиокассет. Его желание исполнил молодой фольклорист Тэцую Ямада, который пошел с Виктором Михайловичем в электронный магазин в Акахабаре и помог ему купить нужное устройство. А я до сих пор помню, как он мне рассказал (может быть, передаю не дословно, но смысл был такой): «Я хотел бы записать и хранить все, что можно: и звуки, и лица, и движения, абсолютно все; вот думал, что нельзя сохранить *запах*, но недавно я нашел выход. У меня дочка смотрела журнал, в котором вложен какой-то пакетик. А в пакетике кусочек бумаги с запахом духов! Знаете, мы можем сохранить даже запах, например, таким способом».

Я тогда удивилась, что Виктор Михайлович хочет записать даже запах фольклорного наследия, но теперь понимаю его желание — сохранить *все*. Я сама сейчас занимаюсь составлением цифрового архива фольклорных и этнографических материалов и их мультимедийным изданием и часто вспоминаю, что рассказывал Виктор Михайлович в Японии ранней весной 2006 г.

Еко Куманоя-Накагава,
доцент Университета Кэйо
(Япония)

Мои воспоминания о Викторе Михайловиче Гацаке относятся к далеким 70-м годам прошлого столетия, когда я училась в аспирантуре Института востоковедения РАН и писала диссертацию по проблемам эпоса ойратов. Сначала я прочитала с большим интересом монографию Виктора Михайловича «Восточнороманский героический эпос» (1967), поскольку ранее я была увлечена творчеством молдавского режиссера Эмиля Лотяну, его фильмом «Лаутары», в котором поэтично показана

жизнь бродячих певцов и инструменталистов лаутар, этого феномена молдавской культуры. Затем я познакомилась с самим автором, который был заведующим отделом фольклора Института мировой литературы РАН, в котором готовили фольклористов из Калмыкии. Я посещала защиты, семинары, проводимые этим отделом, изучала разработки ученых этого отдела по комплексной текстологии фольклора. В 1979 г. в Институте востоковедения состоялась защита моей диссертации, на которую были приглашены фольклористы, доктора филологических наук В. М. Гацак и Х. Г. Кор-оглы, за что им большая благодарность через долгие годы.

Мистическим образом наши встречи с Виктором Михайловичем происходили в какое-то важное для меня время. Так, в 2002 г. Виктор Михайлович был приглашен на юбилей академика Г. Г. Гамзатова. На этой конференции выступили с докладами ученые Северного Кавказа, Калмыкии. Виктора Михайловича встретили тепло. Мы побывали в гостях у народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. В эти дни, несмотря на занятость, он провел консультации по кандидатским и докторским диссертациям.

В эти же годы он побывал в Элисте. Это были незабываемые дни, встречи с бывшими учениками — аспирантами ИМЛИ, которые проходили в дружеской беседе, за чашкой чая. Был просмотрен том «Свода калмыцкого фольклора» «Обрядовая поэзия калмыков», который я подготовила к печати, были даны ценные замечания и рекомендации по структуре тома. Глядя на наши тома «Свода калмыцкого фольклора» в рукописях, Виктор Михайлович сказал, что все-таки первым должен выйти том о мифах, это пророчество Учителя исполнилось в мае 2018 г., когда состоялась презентация тома «Мифы, легенды, предания» на конференции, посвященной его 85-летию в ИМЛИ РАН.

Сейчас в переломные для науки дни нам не хватает Учителя, его мудрых советов в изучении фольклорных памятников. Светлая память!

Тамара Горяевна Басангова
(Борджанова),

доктор филологических наук,
заслуженный деятель науки
Республики Калмыкия,
ведущий научный сотрудник
Калмыцкого научного центра РАН

Прошла замечательная научная конференция, посвященная памяти Виктора Михайловича Гацака, выдающегося теоретика, неутомимого собирателя «золотых зерен» народной мудрости, умелого организатора науки, воплотившего в реальность планы многих исследователей, научных коллективов, бывшего надежным оплотом региональной фольклористики и многонациональной культуры Российской Федерации. Он был монументален во всем: изучал великое творение человечества — эпос, взрастил и вывел на орбиту науки сотни учеников, прошел по экспедиционным тропам по всей Руси великой, оставил фундаментальные научные труды и блестящие идеи, был мудрым советчиком, строгим наставником и порыцарским был честен и благороден. Таким он останется в нашей памяти, и эту память мы передадим уже своим ученикам.

Встречи с учителем были редкими, и каждая из них осталась в памяти: вот он сидит за столом в конференц-зале ИМЛИ РАН со своими аспирантами и изредка поглядывает на меня, приехавшей за его консультациями из Элисты, давая понять, что очередь дойдет и до меня; вот он в конце рабочего дня, усталый, спускается по лестнице со второго этажа и замедляет шаг уже у выхода, видя, как я застыла в фойе у книжной лавки, не решаясь подойти к нему; вот выходит из последнего вагона на станции «Улица 1905 года» московского метро, садится на скамейку и просматривает мою диссертацию (сначала кандидатскую, годами позже — докторскую); вот ведет меня в кафе «Шоколадница», садится за столик, раскладывает мои записи, а я осмеливаюсь предложить ему... фисташковое мороженое; вот он деликатно просит меня передать книгу своему другу Лю Куйли, узнав, что я лечу в Пекин; вот он...

Встречи с ним были сродни тому, как испить водицы из родника, чистого, лучистого, благодатного. Неважно, было ли это каплей, глотком, пригоршней. Каждый вобрал в себя столько, сколько смог. Живительная сила этого родника неиссякаема, как неистребимо народное творчество, как неистощима память, вобравшая в себя многообразие этнопоэтических констант. Про эпических богатырей и выдающихся личностей, оставляющих этот мир, калмыки говорят «буур юкдг, ботхар босдг» (ушел верблюдо-вожак, вернется верблюжонком).

Пусть же он переродится в лучшем мире в образе юного фольклориста — ученика его учеников! Низкий поклон вам, учитель.

*Евдокия Эрендженовна Хабунова,
доктор филологических наук,
директор МНЦ «Культурное
наследие монгольских народов»
Калмыцкого государственного
университета им. Б. Б. Городовикова»*

Летом 2006 г. мы с моей коллегой из отдела фольклора Светланой Павловной Сорокиной собрались в фольклорную экспедицию в Скопинский район Рязанской области. Перед отъездом мы выслушали советы Виктора Михайловича, как собирать фольклор и чем вообще стоит заниматься в экспедиции. Ряд рекомендаций Виктора Михайловича меня озадачил; например, он предлагал фиксировать время интервью с информантом, описывать в полевом дневнике его внешний вид и одежду, перечислять темы беседы, приводить интересные, содержательные моменты. Я удивилась: зачем отмечать продолжительность разговора, когда это автоматически делает диктофон? Зачем перечислять детали одежды, если можно сделать фотографию исполнителя? Тем более что у нас впервые была возможность использовать цифровые фотоаппарат и диктофоны. В ответ на мои сомнения Виктор Михайлович возразил, что диктофон не учитывает тот промежуток беседы, когда фольклорист нажал на кнопку-«паузу» (например, когда бабушка стала рассказывать о непослушных внуках), и что не каждый исполнитель согласен фотографироваться и тем более сниматься на видео, и что вообще мы работаем для будущего и нам неизвестно, какие научные проблемы будут разрабатывать наши последователи-фольклористы и тем более ученые других дисциплин (например, социологи, культурологи и т.п.), поэтому любая, самая незначительная заметка, сделанная нами сегодня, завтра может очень пригодиться нашим потомкам.

Все эти подробности я сообщаю для того, чтобы подчеркнуть внимание Виктора Михайловича к младшим коллегам, его стремление поделиться имевшимся полевым опытом и поразмышлять о новых возможностях экспедиционного исследования. Виктор Михайлович заботился не о выполнении конкретной поставленной задачи, на которую могла быть нацелена

очередная экспедиция, а считал необходимым работать на всю полноту экспедиционной фольклористики, расспрашивать обо всех фольклорных жанрах и фиксировать все подряд попадающиеся этнографические объекты. И в этом высвечивается вся масштабная личность академического ученого, члена-корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака.

*Елена Александровна Самоделова,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела фольклора
Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН*

Виктор Михайлович был необыкновенным человеком — очень требовательный научный руководитель, но очень добрый и заботливый человек. Учась в аспирантуре, мы, приехавшие из разных регионов нашей страны, жили в доме аспирантов на ул. Островитянова. Каждое утро звонили Виктору Михайловичу и делились планами на день, получали от него задание, а вечером обязательно отчитывались, что сделали и что не успели сделать. В то время сотовых телефонов, естественно, не было. Звонили из телефона-автомата, который был на каждом этаже 16-этажного ДАС (дом аспирантов и стажеров). Несмотря на это, бывали и очереди, но самое главное — звонок стоил 2 копейки. Каждый день 4 копейки на телефонные звонки. Дело не в дороговизне, эти монеты были в дефиците. Так вот, Виктор Михайлович всем своим аспирантам принес двухкопеечные монеты с дырочкой и ниткой, вдетой в нее. Мы с этой штучкой звонили ему (и не только ему), а после разговора монету с ниткой вытаскивали. Как это ему в голову пришло? Но это здорово нас выручало.

Девяностые годы были непростые. Особенно для нас, приезжих. Виктор Михайлович всегда спрашивал, не голодаем ли мы.

В первый же год учебы аспирантуры он отправил меня на конференцию в г. Черновцы, в его родные края. Никогда не забуду, как он сказал, мол, будешь во столько-то проезжать на поезде мою родную деревню Липканы, обязательно помаши рукой. Такой суровый с виду, серьезный взрослый мужчина, видимо, скучал по родине.

После выступления на конференции в г. Екатеринбурге, куда мы ездили вчетвером — он, Анастасия Рюриковна Садокова,

аспирант Виктор Виноградов из Улан-Удэ и я, — Виктор Михайлович подарил мне книгу «Ригведа». «Я тоже хочу такую книгу», — сказал Виктор, на что Виктор Михайлович ответил: «А больше нет такой книги». Было очень приятно. Книга у меня сохранилась.

*Гульнур Равиловна Хусаинова,
доктор филологических наук,
заведующая отделом фольклористики
Института истории, языка
и литературы Уфимского
федерального исследовательского
центра РАН*

Виктор Михайлович счастливо сочетал в своей личности два уникальных качества — невероятную преданность фольклористике и открытость к людям. Он глубоко и искренне любил своих учителей, исполнителей, коллег, учеников, свою семью. За 25 лет, которые мне посчастливилось проработать с ним, я не помню, чтобы он хотя бы о ком-нибудь сказал недоброе слово. Конечно, на заседаниях во время обсуждений работ возникали разные ситуации, но у Виктора Михайловича был какой-то внутренний барометр, который указывал: все, дальше давить нельзя, и мы, аспиранты, молодые сотрудники, в запале иногда говорили: «Ну как же так! Ведь здесь написано неверно, надо все прямо сказать автору». Виктор Михайлович внимательно смотрел на нас и с безукоризненной вежливостью говорил: «Да, ситуация действительно плохая, но не надо делать ее хуже».

Его мягкая мужественность включала в себя и тонкое чувство юмора: он сам умел шутить и мог оценить хорошую шутку другого человека. На юбилей, посвященный его 60-летию, мы с моей коллегой, Светланой Сорокиной, написали и разыгрывали небольшое представление от имени куклы Петрушки, и надо было видеть, как этот серьезный взрослый человек хохотал. Виктор Михайлович, как никакой другой исследователь, чувствовал саму душу фольклора, был сопричастен ей.

Из множества очень теплых воспоминаний о Викторе Михайловиче у меня перед глазами стоят два эпизода, которые разделяют десятилетие. Наступил 1991 г. — совершенно новое время, полное исключительными, невероятными возможностями. На одном из заседаний отдела, еще будучи аспиранткой, со свойственной молодости

необдуманной лихостью я заявила: «Вот защищусь и пойду поступать во ВГИК, буду делать кино». Виктор Михайлович пристально посмотрел на меня и невероятно серьезно сказал: «Нет уж! Вы целовали крест фольклористике. Вам отсюда путь заказан». Это было сказано с такой проникновенной интонацией, с такой подлинной верой в свое дело, что мне стало невероятно стыдно за свои легкомысленные слова.

Второе воспоминание — это отношение Виктора Михайловича к моим детям. В 2001 г. у меня родился сын, через два года пять месяцев после дочки. И вот мы встречаемся с Виктором Михайловичем по делу у первого вагона из центра на станции «Беговая», он открывает портфель и достает оттуда игрушку — Том и Джерри, к большому и добродушному серому коту

пришит маленький коричневый мышонок — и отдает мне со словами: «Вот чтобы и ваши были так всегда вместе». Боже мой! Этот большой ученый, всегда невероятно занятый, искал мне подарок со смыслом. Эта игрушка и сейчас живет в нашем доме, напоминая его завет нерушимости братско-сестринских отношений. Не было случая, чтобы Виктор Михайлович, встречаясь со мной, не передавал шоколадки «Вдохновение» моим детям, и в этом жесте было столько дружбы, столько отеческой заботы! Да покоится с миром его светлая душа...

Елена Викторовна Миненок,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела фольклора
Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН